

ТОХТИЕВ Шухрат Рустамович

Международная исламская академия Узбекистана,

Старший преподаватель, PhD

E-mail: shuhrat55567@mail.ru

ИСТОРИЯ КОНФЕССИОНАЛЬНОЙ СРЕДЫ ИРАНА НА ОСНОВЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ МУХАММЕДЕ ХАКИМ-ХАНА

THE HISTORY OF THE CONFESSIONAL ENVIRONMENT OF IRAN BASED ON THE WORK OF MUHAMMAD HAKIM KHAN

MUHAMMAD HAKIMXON ASARI ASOSIDA ERONNING KONFESSIONAL MUHITI TARIXI

Аннотация: Статья посвящена переживаниям известного историка, литератора, географа, путешественника и просветителя Центральной Азии начала XIX века Хаджи Мухаммад Хаким-хана ибн Саййид Масумхана, которые он упоминает в своей книге «Мунтахаб ат-таварих». События, приключившиеся с ним дают нам шанс взглянуть на малоизвестные стороны взаимоотношений и восприятий простых людей и аристократии соседних регионов, между которыми волею судеб пролегли не только геополитические, но и религиозные границы.

Ключевые слова: Мухаммад Хаким-хан, «Мунтахаб ат-таварих», хадж, Кокандское ханство, Иран, шииты, Бухара.

Annotasiya: Maqola XIX asr boshlarida Markaziy Osiyoning mashhur tarixchisi, adib, geograf, sayyoh va ma'rifatparvari Hoji Muhammad Hakim-xon ibn Sayyid Ma'sumxonning "Muntahab at-tavarih" asarida bayon etgan kechinmalariga bag'ishlangan. U bilan sodir bo'lgan voqealar taqdir taqozosi bilan nafaqat geosiyosiy, balki diniy chegaralarga ega bo'lgan oddiy odamlar va qo'shni mintaqalar rahbarlarining munosabatlari va tasavvurlarining ma'lum bo'lmagan tomonlarini ko'rib chiqish imkoniyatini beradi.

Tayanch iboralar: Muhammad Hakim-xon, «Muntahab at-tavarix», Haj, Qo'qon xonligi, Eron, shialar, Buxoro.

Annotation: The article is devoted to the experiences of the famous historian, writer, geographer, traveler and educator of Central Asia at the beginning of the 19th century, Haji Muhammad Hakim Khan ibn Sayyid Masumkhan, which he mentions in his book "Muntahab at-tavarih". The events that happened to him give us a chance to look at the little-known aspects of the relationship and perceptions of ordinary people and the aristocracy of neighboring regions, between which, by the will of fate, not only geopolitical, but also religious borders lay.

Key words: Muhammad Hakim Khan, "Muntahab at-tavarikh", Hajj, Kokand Khanate, Iran, Shiites, Bukhara

ВВЕДЕНИЕ

Многовековые противоречия шиитов и суннитов приобрели форму не только конфессиональных, политических или дипломатических конфликтов. Они серьезно повлияли на взаимные восприятия мусульман двух конфессиональных направлений внутри ислама, что порой выливалось в почти физическую неприязнь суннитов и шиитов. Враждебность этих двух конфессиональных направлений ислама побуждала их носителей прилагать ярлык «неверный» по отношению друг к другу. Порой трудно было отделить простое конфессиональное неприятие от политических противостояний, что, в свою очередь, часто становилось поводом для взаимных военных экспансий, кровавых столкновений и т.д. Более всего враждебные отношения между шиитами Ирана и суннитами Средней Азии проявлялись с начала XVI века, когда власть в Иране перешла к Сефевидам (1502-1736) и многие сунниты бежали из Ирана, в том числе и в Среднюю Азию.

Интересны наблюдения академика В.В.Бартольда, заметившего, что отличие образовавшегося государства Сефевидов в Персии, от Турции на западе и от узбекских ханств на востоке заключалось в том, что шиитство в первом из них стало государственной религией. Далее В.В.Бартольд излагает мнение турецкого историка того времени Джевдат-паши о том, что шах Исма'ил (1502-1524), основатель персидского государства, нарочно сделал шиитство официальной религией Персии, так как понимал, что рядом с таким

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

суннитским государством, как Турция, другое суннитское государство существовать не может [4:750]. Такое своеобразное («имперское») восприятие Ирана турецким историком, конечно, не отражало всей сложности и всей палитры взаимоотношений этого шиитского государства с соседями. Однако мы можем видеть весьма показательную легитимацию взаимных политических амбиций при помощи аргументов, построенных на конфессиональном отчуждении.

В результате политических и конфессиональных перемен при Сефевидях, военные походы на Иран для его суннитских соседей были не просто легитимными, но выносились в ранг религиозных предписаний, например, легитимировались как *газат*. Любопытный пример, который совершал такой поход, присваивал себе титул «Абу-л-гази», упоминая этот титул в монетном чекане и официальной переписке [11:12-14]. Иран становился объектом нападений суннитов Османской Турции и узбекских ханств Туркестана. Иран тоже не упускал возможности реванша и, обвиняя соседей в «неверии», совершал набеги на территории, подвластные Великой Порте (например, Малая Азия) [6:374-376]. Средняя Азия также становилась объектом экспансий Ирана. Достаточно напомнить о походе шаха Исма'ила на восток, в результате которого были захвачены ряд городов и в плен были угнаны тысячи жителей. Некоторые города были превращены в шиитские [4:751].

По крайней мере, с момента победы шиизма в Иране, отношение к нему как к государству «неверных» фактически закрепилось в общественном мнении суннитов Средней Азии и в Турции. В Средней Азии известна знаменитая фетва, приравнивавшая шиитов Ирана к «неверным». Это была политическая фетва, легитимировавшая набеги Шайбанидов (1501-1603) на Иран. Первый правитель, который получил такую фетву в 1586 году, был бухарский хан 'Абдуллахан (фактически правил: 1557-1598). 'Абдуллахан, в ходе расширения границ своего государства, под лозунгом «борьбы с неверными», доходит до Мешхеда и, продвигаясь вглубь Хорасана, овладевает Гератом [8:9].

Противостояние между суннитами и шиитами того времени усложнило путь паломникам Средней Азии, отправлявшимся посетить священные места в Мекке и Медине. В конце XVI – начале XVII вв., когда турки господствовали на Кавказе, среднеазиатские мусульмане могли предпринимать паломничество в Мекку из Туркестана непосредственно через турецкие владения, не проходя через шиитскую Персию. Каспийский Ширван принадлежал туркам, а у узбекских династий во владении был Мангышлакский полуостров, который имел значение транзитного региона, куда приставали суда, и откуда начинался караванный путь в Хиву и Бухару. Однако эти благоприятные условия продолжались недолго. Через некоторое время иранцы под предводительством шаха Аббаса I Великого (1587-1629) отвоевали свои бывшие территории в Прикаспии [4:754].

С тех пор транзит паломников через Иран резко сократился, поскольку переход через эти территории был связан с большими рисками, которые были связаны с уже прочно укрепившимися антипатиями суннитов и шиитов. Тем не менее, изредка находились такие *хаджжи*, которые предпринимали паломничество к святым местам, или обратно, через Иран. Одним из таких паломников, кто решился вернуться через Иран, был Хаким-хан тура (примерно 1793-1848)¹. Он был выходцем из Коканда и отпрыском семьи Пророка (*саййид*). В Коканде он был влиятельным политическим деятелем. Его родословная восходил к касанскому ишану, более известному под своим почетным прозвищем – Махдум-и А'зам, а через него самому четвертому халифу Али ибн Абу Талибу (ок. 600-661 г.). В этом смысле один из переписчиков его рукописи характеризует Мухаммеда Хаким-хана как «убежище саййидства и знатности... сына следствия великого семейства и почетного рода» [9:12].

¹ Хаджи Мухаммед Хаким-хан, сын Саййид Ма'сум-хана (родился около 1217/1802-1803 гг. или в 1221/1806-1807 гг. – умер после 1261/1845 г.) – видный историк, литератор, географ, путешественник [7:195].

Волею случая он вынужден был вернуться из хаджа через Иран. Впечатления и обычная его реакция как суннита в конфессионально чуждой (если не сказать враждебной) среде стали предметом исследования настоящей статьи. Эти впечатления автора важны, так как его зарисовки отличаются подробностями, каких нам не почерпнуть из других источников. А значит, есть шанс взглянуть на малоизвестные стороны взаимоотношений и восприятий простых людей и аристократии соседних регионов, между которыми волею судеб пролегли не только геополитические, но и конфессиональные границы. Основной источник – сочинение Мухаммеда Хаким-хана «منتخب التواريخ» (*«Извлечение из историй/летописей»*), являющееся одним из немало важных источников в изучении суннитско-шиитских отношений.

Итак, в первой половине XIX века Персия оставалась шиитской, но там уже правила династия Каджаров (1781-1925). В это время (точнее весной 1826 г.) Мухаммед Хаким-хан попал на территорию России после изгнания из Кокандского ханства (1709-1876). Из России, после долгих заключений, он решил совершить хадж, намереваясь пройти по территории северного Ирана (через Каспийское море) и затем добраться до столицы Турции. Однако из-за военных действий между Россией и Персией (1825 г.) он выбирает дорогу по правобережью Каспия, где проходила Черноморская кордонная линия, отделявшая владения России от вторжения закубанских непокоренных черкесов. Двигаясь по этой линии, проходя город за городом, после многих лишений и приключений (вплоть до заключения в тюрьму), Хаким-хан добирается до территории Турции. Потом через Латакию и Дамаск (Сирия), Канан (Ханаан), Табарию, Газу (Палестина) прибывает в Каир. В Суэце садится на судно и по Красному морю попадает в порт Янбо, на восточном побережье Красного моря. Затем – Джидда, Мекка, Медина, вновь Красное море, порт Кусейр на африканском побережье Красного моря, путь по Аравийской пустыне, город Канна (Кена) на берегу Нила, спуск по реке к Каиру. Подобный маршрут от Мекки до Каира выбран Хаким-ханом не случайно, поскольку

это был наиболее удобный путь, которым, по словам автора, пользовались с незапамятных времен, особенно те, кто после хаджа старался максимально обезопасить свое возвращение и заодно «посмотреть города и края», населенные мусульманами и другими народами.

Хаким-хан явно использовал свое возвращение для посещения знаменитых городов исламского мира. Из Каира он направляется в Палестину, Иерусалим, Хеврон, горы Синай, Наблус, перебирается в Дамаск и Багдад [9:14-16]. При этом он достаточно подробно описывает эти города, местную ситуацию, встречается с высокопоставленной аристократией. В Багдаде он принимает решение вернуться на родину через шиитский Иран. Причину выбора этого пути он не указывает. Можно предположить, что те лишения и опасности, которые он пережил на пути из России заставили его выбрать путь через Иран. Хаким-хан не особо подчеркивает собственное опасение, особенно свое конфессиональное отчуждение в Иране. Уверенность в собственной безопасности ему придавало то, что он был потомком Пророка (саййид) и надеялся на традиционный респект к отпрыскам дома Пророка. Хотя он прекрасно понимал степень отчуждения между суннитами и шиитами, что заставляло его менять и внешний свой облик. Покидая Багдад, Хаким-хан надевает анатолийскую одежду и присоединяется к каравану, идущему в город Хамадан. Через десять дней и ночей он достигает Хамадана. Не имея средств, он оставляет дорогу, ведущую в Тегеран, и сворачивает в сторону области Курдистан, где все местные жители являлись *суннитами-шафи'итами*. Мухаммед Хаким-хан об этом пишет так: «Я приехал в город Сенендедж, где правил Хосров-хан (правитель Курдистана). Он в глубине души («внутренне») был шафиитом, а внешне держался как шиит. В городе я остановился в караван сарае, а, после, познакомившись с владельцем караван сарая – Мирзой Абу Турабом, переселился к нему домой [10:507-510]».

Здесь можно представить самоощущение автора, который сам называет себя «ревностным суннитом». Тем более, его предок, известный под своим почетным прозвищем – Махдум-и

А‘зам (ум. в 1542),² был противником шиизма и приравнивал шиитов к «неверным» и считал, что против них можно вести священную войну (т.е. *газат*) [1:106-109].

Вступив на землю шиитов, он сначала приходит в иранский Курдистан. Из его рассказов мы узнаем, что он не чувствовал конфессионального дискомфорта среди правителей и аристократии. Напротив, узнав о его происхождении, элита принимала его как «своего». Поэтому автор легко сближается с людьми, которые дают ему кров и даже предлагают средства на обратный путь. О своих конфессиональных привязанностях он совершенно забывает при встрече с принцессой Ирана Пари Султан в городе Сенендедж и самим шахиншахом Фатх Али Шахом (1771-1834, шахиншах Ирана с 1797 г.) в Тегеране. Более того и они, будучи образованными людьми, не дают никакого повода Хаким-хану почувствовать конфессиональную отчужденность. А, узнав, что он является выходцем из Дома Пророка, одаривают его [10:525-527, 539-545]. Такое отношение к аристократу пилигриму не случайно. Как достаточно метко замечает Б.М. Бабаджанов, мы становимся свидетелями особого «социального кода», когда аристократия разных конфессий и даже разных верований может понимать друг друга и беспрепятственно сближаться. «Иначе говоря, в данном случае, у автора сословное право (и собственное, и «других») доминирует над конфессиональным отчуждением» [3:437-438].

Далее, чтобы продолжить свой путь Хаким-хан, ищет попутчиков или присоединяется к торговым караванам. В караванах, которые шли по Ирану иногда встречались мусульмане-сунниты, преимущественно торговые люди. С одним из таких попутчиков, Хаким-хан вынужденно остается в городе Себзевар, в связи с тем, что тяжело заболел и отстал от каравана. Его попутчик присматривал за ним. По представлению Хаким-хана, город Себзевар был очень благоустроенным и многонаселенным. Он описал другие достоинства города и области. И тут он вновь вспоминает свою конфессиональную принадлежность, утверждая, что живущие там

люди были «самыми скверными *рафидитами*»³. Его неприязнь явно вызвана воспоминаниями о тех злоключениях, которые он там пережил. Имея в виду самую окружающую обстановку, Хаким-хан меняет даже свой внешний облик (отпустив, например, «шиитские локоны» за заушными впадинами, соответственно одевшись в «одежду *кызылбашей*»⁴), выучился говорить на персидский манер и держать себя «словно *рафидит*». Тем не менее, хозяин караван-сарая заподозрил его как суннита и пытался «вывести на чистую воду», натравив на него нескольких фанатов. Уловками и хитростью, Хаким-хан со спутником сбежал из города. В своих описаниях Хаким-хан не жалеет отрицательных эпитетов и характеристик в адрес своего противника, назвав его даже «*рафидитской собакой*». Спутникам удастся бежать в Нишапур, где автор остается на 10 дней, чтобы оправится от болезни [10:546-549].

Вылечившись, Хаким-хан и его попутчик продолжают свой путь в компании семи шиитов, которых автор называет «никчемными». Пройдя путь, Мухаммед Хаким-хан со своим попутчиком-другом доходит до Мешхеда. Остановившись в караван сарае, Мухаммед Хаким-хан вспоминает о том, что когда-то познакомился с неким Мухаммад-Хасаном (очевидно, суннитом), который был сыном одного крупного купца из Мешхеда. Расспросив о нем, Хаким-хан находит его, и получает приглашение остановиться у него дома. Симптомы болезни проявились вновь, и Мухаммед Хаким-хан на некоторое время остается в Мешхеде. Некоторое время спустя, в надежде на окончательное излечение, он посещает могилу Восьмого Имама Мусы ‘Али-Ризы. Во время исполнения ритуала паломничества (*зийара*) его попутчик (купец

³ *Рафидиты* (ар-равафид – «оставляющие», «отвергающие») – одно из распространенных прозвищ шиитов. Прозвище связано с тем, что они отвергают правление халифов Абу Бакра и Умара.

⁴ *Кызылбаши* (красноголовые) – первоначально – название азербайджанских племен, с помощью которых в XVI в. пришла к власти в Иране династия Сефевидов (1502-1736). Название произошло от чалмы с /двенадцатью/ (в честь двенадцати имамов шиитов)/ красными полосками, которые носили воины этих племен. Впоследствии словом «*кызылбаш*» мусульмане-сунниты стали называть войска персов-шиитов [5:132].

² Известный накшбандийский шайх [2:69-70]).

из Трансоксианы) читает стих, в котором есть бранные слова относительно купола могилы Мусы Али Ризы:

ثمرقند صيقل روی زمین است،
بخارا قوت دین اسلام است.
مشهد را گنبد سبزش نباشد،
خوارج خانه روی زمین است.

Буквально: «Самарканд – блеск лица земли // Бухара – мощь исламской религии // Куполу Мешхеда не процветать // Он отхожее место лица земли».

Услышав это, шииты набрасываются на декламатора таких оскорбительных стихов. Тот купец тут же был избит группой шиитов (паломников) и потерял сознание. Приведя его в чувство, шииты требуют его повторить свой стих. После повторения стиха, один из шиитов с угрозой внушает ему: «Ваши Туркестанские стихи привели людей к заблуждению. Поэтому читайте их таким образом:

ثمرقند صيقل روی زمین است،
بخارا با جهنم هم قرین است.
مشهد گنبدش را گر بو بینی،
که جنت خانه روی زمین است.

Буквально: «Самарканд – блеск лица земли // Бухара – соединена с адом // Если вдохнешь аромат купол Мешхеда // Почувствуешь запах земного рая».

Незадачливый декламатор отказывается повторить новую интерпретацию руба'и, после чего толпа шиитов (уже собравшись со всего мазара) вновь начинают его избивать. Хаким-хан, по его словам, растерялся. Толпа, подозревая в нем суннита, стала грозить ему расправой. Не видя выхода, автор присоединяется к избивавшим и награбил несколькими тычками своего спутника. Свое фактическое предательство Хаким-хан оправдывает тем, что его спутник сам спровоцировал конфликт, зная о недружественном окружении. [10:549-558].

После Мешхеда Хаким-хан, продолжает путь с караваном, вышедшим из города Балх, и направляющимся в Бухару. Пройдя город Серахс и реку Таджн, караван приблизился к границам Трансоксианы. Хаким-хан и

его спутники из иранцев попадают в засаду отряда разбойников, состоящих из туркмен⁵. После того, как туркмены берут их в плен и связывают, Хаким-хан начинает разговор о том, что он суннит, несмотря на внешний «шиитский вид». Он паломник Священных храмов и вынужден был преобразиться, поскольку возвращался через территории шиитов. Теперь он направляется в Бухару. Хаким-хан называет имена нескольких знакомых сановников и эмиров Хорезма. Туркмены, поняв, что он действительно суннит, отпускают его и его друга, а оставшихся шиитов увозят с собой. При этом автор поступает довольно странно. Он не только выдает своих попутчиков, но даже наущает туркмен продать их в рабство. При этом Хаким-хан прекрасно понимал, что цель разбойников в том и состояла, чтобы захватить шиитов и продать их в рабство на рынках Бухары или Хорезма.

После этого Хаким-хан благополучно перебирается через Джейхун (Амударья) и приходит в Бухарское ханство. На этом приключения и переживания Хаким-хана в шиитском Иране заканчиваются.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Из приведенных рассказов Хаким-хана видно, что в те времена отношение между суннитами и шиитами оставалось напряженным. Коффессиональная неприязнь служила для суннитских и шиитских предводителей поводом для войн, набегов и завоеваний и даже разбойного захвата людей в пограничных районах, когда в числе прочих награбленных богатств, захватывали пленников и превращали их в рабов. Если судить по рассказам Хаким-хана, то взаимное презрение и ненависть в большей мере царили в среде простых (рядовых) верующих. Тогда как политическая элита и аристократия вполне могли преодолеть конфессиональное отчуждение. Поведение Хаким-хана в конфессионально недружественной среде может рассматриваться как пример предельной адаптации суннита в

⁵ В эти времена туркмены, казахи и другие кочевые народы занимались похищением людей, чтобы продать их в рабство в крупных городах как Хива и Бухара [8:10-13]).

шиитской среде. Однако не стоит, как нам представляется, оценивать поведение Хаким-хана с точки зрения современных этических норм поведения. Видимо неоднократные риски усилили его конфессиональную неприязнь явно переросшую во враждебность. Хотя опасение за собственную жизнь заставляли его прибегать к лицемерию и даже предательству. Представляется, что его психологический дискомфорт среди шиитов очень показателен и показывает, насколько глубоко укоренилась взаимная вражда суннитов и шиитов.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бабаджанов Б.М. Политическая деятельность шайхов Накшбандийа в Мавераннахре. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Ташкент, ИВ АН РУз, 1996.
2. Бабаджанов Б.М. Махдум-и А'зам // Ислам на территории бывшей Российской империи. Энциклопедический словарь (Отв. ред. С. М. Прозоров), вып. 1, Москва, Восточная литература, 1998.
3. Бабаджанов Б.М. Кокандское ханство: политика, власть, религия. Ташкент, 2010.
4. Бартольд В.В. Сочинения. т. II. часть-1. Лекция IX (17-18). Москва, Издательство восточной литературы, 1963.
5. Мирза Абдал'азим Сами. Тарих-и Салатин-и Мангитийа (История Мангытских государей). Изд. текста, предисловие, перевод и примечания Л.М.Епифановой. Москва, издательство Восточной литературы, 1962.
6. Петрушевский И.П. Ислам в Иране в VII-XV веках. Курс лекций. – Ленинград, Изд. Ленинградского Университета, 1966.
7. Собрание восточных рукописей Академии наук Республики Узбекистан. История. Сост. Д.Ю.Юсупова и Р.П.Джалилова. Отв. ред. А.Урунбаев. Ташкент, «Фан», 1998.
8. Файзиев Т.А. Бухоро феодал жамиятида куллардан фойдаланишга доир хужжатлар (XIX аср) («Документы об использовании рабов в феодальной Бухаре (XIX в.). На узбекском языке. Ташкент, «Фан», 1990.
9. Хуршут Э.У. «Мунтахаб ат-таварих» как исторический памятник Средней Азии первой половины XIX в. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук. Ташкент, Институт рукописей им. Х.Сулейманова АН УзССР, 1990.
10. Muhammad Hakim khan. Muntakhab al-tawarikh (Selected history). Edited by Yayoi Kawahara and Koichi Haneda. ILCAA (Research institute for languages and cultures of Asia and Africa), vol. II, 2006.
11. Schaibanidesche Grabinschriften, herausgegeben von B. Babadjanov, A. Muminov, J. Paul. Wiesbaden: L. Reichert, 1997.